

Два вечера
с Александром
Солженицыным

Борис ЛЮБИМОВ

Что пока не сбылось - сбудется

Я вижу сквозь его пролеты
Всю будущую жизнь насквозь.
Все до мельчайшей доли сотой
В ней оправдалось и сбылось.

Б. ПАСТЕРНАК

ДУМАЮ, что фильм Ст. Говорухина «Александр Солженицын», который мы увидели в начале сентября, снимает ряд мифов о писателе. Противников его, может быть, фильм не переубедит, споры не прекратит, о чем свидетельствует немалое количество самых разноречивых откликов, опубликованных по горячим следам после просмотра. Но мне приходилось разговаривать с людьми, которые по убеждениям, быту, повседневной жизни достаточно далеки от писателя. Тем не менее, сохранив способность объективного взгляда на то, что им показывают, они не смогли не почувствовать воздействие на себя огромной личности. Можно не разделять убеждения А. Д. Сахарова, но невозможно не поддаться обаянию, свету, исходящему от этого человека. По-моему, так и здесь.

Мы увидели быт Солженицына. С одной стороны, почти аскетичный (я заметил лишние, мешающие предметы, избыточной роскоши), с другой стороны, предельно разумно организованный. Увидели энергию Натальи Дмитриевны и ее мамы. Увидели детей — плсды его воспитания. Оказывается, можно воспитать людей, абсолютно адаптировавшихся к быту той страны, в которой живут, не презирая, не ненавидя ее, и сохранивших память и любовь к той земле, на которой, я надеюсь, пройдет большая и значительная часть их жизни.

Это — его огромная воля, преодолевающая, сметающая все препятствия. Телевизор, который способен свалить не только дуб, но горы... Это ощущение не покидало меня в течение всего фильма.

Впервые я увидел Солженицына по телевидению в Париже зимой 1983 года. И, пожалуй, принял все, что он говорил. Кроме одного: что не только его дети, но и он сам при жизни вернутся в Россию. Я даже пожалел, что он

так подставился. Конечно все может произойти в стране, и, разумеется, книги его вернутся — исторически это неизбежно. Но никакие силы не могли заставить поверить, что кто-либо из семьи Солженицына окажется в России: только что мы сбили южнокорейский самолет, нами еще правил Андропов, и хоть ясно было, что дни его уже сочтены, можно было только гадать, кто возникнет после него — Черненко, Гришин, Романов.

И примерно с того же декабря 1983 года, заново перечитывая Солженицына, сначала тайно в зарубежных изданиях, позже — в отечественных журналах, все время ощущал силу его предсказаний.

«Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кочетовка», «Матренин двор» — из этих произведений, прорвавшихся к читателю в хрущевскую оттепель, выросли, в сущности, все направления той литературы, которую мы до сих пор именуем советской. «Матренин двор» — это «деревенская проза», образы старух, доживающих свои последние сроки. «Случай на станции Кочетовка» — думаю, что только после него В. Быков от «Альпийской баллады» смог повернуться к кричащей правде повести «Мертвым не больно». Предполагаю, что это сказалось и в военных произведениях В. Астафьева. Трудно назвать писателя, который бы не испытал влияния Солженицына. Может быть, в какой-то степени «городская проза»? Размежевание между зоной влияния Александра Исаевича, «нейтральной» полосой и зоной все большего и большего отторжения началось тогда, быть может, незаметно для всех участников диалога между писателем и читателями.

В «Иване Денисовиче» есть второстепенный персонаж — Цезарь Маркович — лагерная «шестерка», по-своему страдающий, но отделенный от общенациональной, общегосударственной жизни страшной нации и государства зеклов. Иногда мне кажется, что именно «Цезарь Маркович» не принимает все то, что было написано поздним Солженицыным.

Двадцать лет назад в «Августе 1914-го» предвосхищено все то, о чем идут сей-

час споры. О царской семье, о монархии, о месте России в XX веке. Я читал этот роман осенью 1971 года с восхищением. Потому что наконец-то в первый раз почувствовал, что я — современник писателя, который становится властителем моих дум. У меня было подобное ощущение по отношению к А. Ахматовой и Б. Пастернаку, но я понимал, что мне посчастливилось жить в одно время с ними, однако их время — не мое время. Мое время и мои убеждения связаны с Солженицыным.

Мы очень любим жалеть и сострадать, чужой успех переносим труднее. Нобелевская премия, поместье в 25 акров, счастливая семья, дети (мы уже забыли о том, что в ветхозаветном Израиле огромное количество детей рассматривалось как Божья благодать, снизошедшая на семью). Наличие огромного таланта, сбывающиеся прогнозы, недюжинная воля, побеждающая все — ГУЛАГ, КГБ, болезнь, время, пространство, — с этим, мне кажется, не смогут смириться писатели меньшего масштаба — что уж говорить о третьесортной мелочи, литературных Репетиловых и Добчинских! Отсюда начинаются легенды, мифы, в основе которых, я убежден, лежит зависть.

Вот почему главный смысл фильма, как мне кажется, — в опровержении этих мифов.

Думаю, большая часть тех, кто в течение двух телевечеров общался с Солженицыным, пережили впечатление не менее сильное, чем от работы «Как нам обустроить Россию?», и реакция на фильм была столь же бурной, какой она была и тогда. Да, картина заставляет вновь вернуться к этому произведению, в конце которого стоит дата — июль 1990 года, когда кто-то ликовал по поводу того, что Лигачева заменили на Ивашко, а в сущности, у нас все еще была та самая коммунистическая власть, пусть более «прогрессивная», более «мягкая». Итак, начало: «Часы коммунизма свое отбили... Но бетонная постройка его еще не рухнула, и как бы нам вместе освободиться не распылиться под его развалинами». Как сказал, так и произошло! Часы коммунизма свое отбили через год, а мы пока расплю-

щиваемся под его развалинами.

Солженицына обвиняли в том, что он монархист. Оставляя в стороне вопрос о том, является ли симпатия к монархии «виной», замечу, что ни одного русского монарха — от Алексея Михайловича до Николая II — Солженицын не изображает идеализированно. Он страдает государю, пожалуй, готов полюбить его, но главы о Николае II отнюдь не «Житие святого». Что, кстати, проводит грань не только между писателем и «левыми», но и писателем и «правыми».

Немало говорилось о его великодержавии, шовинизме. Но вспомним, он пишет в статье «Как нам обустроить Россию?»: «ненцы, пермяки, звенки, манси, хакасцы, чукчи, коряки. И не перечислить всю дробность. Каждый и самый малый народ есть неповторимая грань Божьего замысла». Может это сказать шовинист? Уж не говоря о том, что писатель достаточно трезво изображает и русский народ. Да, у нас есть Матрена, но на все село нашелся один праведник. Вот в чем горе и правда.

Покойный отец Александр Шмеман говорил о главном свойстве прозы Солженицына — его зрячей любви. Замечательное выражение. Конечно же, любовь к России и, конечно же, зрячая.

Опять-таки это то, во что упираются споры о нем и «патриотов», и «демократов». Оба слова употребляю в кавычках, потому что, на мой взгляд, те, кто именует себя патриотами, совсем не патриоты, ибо Россию губят, а не спасают, а те, кто называет себя сегодня демократами, совсем не демократы, никакой власти народа им не нужно, ибо народ они не любят. А Солженицын любит. Помня все, что было, и хорошее, и плохое: был раскол — и это не какой-то тайный заговор, это мы, русские люди, убивали друг друга из-за достаточно второстепенных обрядовых споров. Есть горе наше в этом? Конечно. Писатель не забывает ничего. Его отношение к России, ее прошлому, настоящему и будущему основано на категории зрячей любви. А драма его заключается в том, что сам он к патриотизму и демократии относится без кавычек, и само противоречие между патриотизмом и демократизмом стано-

вится ложным и необязательным. И то, и другое может служить злу или добру, в зависимости от того, как они соотносятся с идеями христианства, стержневыми в мировоззрении Солженицына.

И если в том, что произошло в августе 1914 года, огромная доля вины лежит на царской семье, то март 1917-го — на совести другой части общества. На мой взгляд, «Март 1917-го» — самое значительное, что написано Солженицыным, и, может быть, самое значительное, что вообще написано во второй половине XX века. Его произведение заставляет нас посмотреть на самих себя. И мы начинаем понимать свою ответственность и свою причастность к историческим грехам нашего государства.

Приходилось слышать, что, мол, время Солженицына прошло. Давайте все-таки порадуемся его энергии, паразитической для человека, который разменял восьмой десяток лет. Конечно, завершение «Красного колеса» — итог, но, я надеюсь, предварительный...

Вся паразитичность и уникальность Солженицына (и фильм это еще раз подтвердил) в том, что писатель свой возраст абсолютно преодолел. Он сумел прийти сюда в самый ответственный момент отечественной истории.

Доступность его произведений — сбылось. Приезд его семьи — сбылось. Теперь надо ждать его возвращения. (В те же сентябрьские дни до нас дошла новость, что оно намечено на начало 1993 года.) Я думаю, что оно будет очень нелегким. Потому что он будет здесь достаточно одинок. В то время, когда Солженицын жил здесь, может быть, людям не хватало смелости противостоять системе, которая, казалось, воцарилась навсегда. Сейчас не хватает честности. Люди в борьбе с долларами проигрывают больше, чем в борьбе с КПСС. В наше время человеку, для которого важна не центробежная, а центростремительная тенденция, нелегко. Но его воля его способность терпеть и преодолевать страдания помогут ему. Увидеть своими глазами не извне, а изнутри — будет самое тяжелое, что предстоит Солженицыну здесь, но и самое необходимое. И ему, и России.